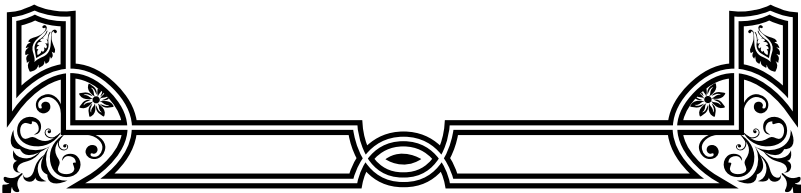

Рафаэль
САБАТИНИ

Рафаэль
САБАТИНИ

Приключения
капитана Блада

Издательство АСТ
Москва

Одиссея капитана Блада

Глава I ПОСЛАНЕЦ

Питер Блад, бакалавр медицины, закурив трубку, склонился над горшками с геранью, которая цвела на подоконнике его комнаты, выходявшей окнами на улицу Уотер-лэйн в городке Бриджуотер.

Блад не заметил, что из окна на противоположной стороне улицы за ним с укором следят чьи-то строгие глаза. Его внимание было поглощено уходом за цветами и отвлекалось лишь бесконечным людским потоком, заполнившим всю узенькую улочку. Людской поток вот уж второй раз с нынешнего утра струился по улицам городка на поле перед замком, где незадолго до этого Фергюсон, капеллан герцога, произнес проповедь, в которой было больше призывов к мятежу, нежели к Богу.

Беспорядочную толпу возбужденных людей составляли в основном мужчины с зелеными веточками на шляпах и с самым нелепым оружием в руках. У некоторых, правда, были охотничьи ружья, а кое у кого даже мечи. Многие были вооружены только дубинками; большинство же тащили огромные пики, сделанные из кос, страшные на вид, но малопригодные в бою. Среди этих импровизированных воинов были ткачи, пивовары, плотники, кузнецы, каменотесы, каменщики, сапожники и представители других мирных профессий. Бриджуотер, так же как и Таунтон, направил под знамена незаконнорожденного герцога почти все свое мужское население. Для человека, способного носить оружие, попытка уклониться от участия в этом ополчении была равносильна признанию себя трусом или католиком.

Однако Питер Блад — человек, не знавший, что такое трусость, — вспоминал о своем католичестве только тогда, когда это

ему требовалось. Способный не только носить оружие, но и мастерски владеть им, он в этот теплый июльский вечер ухаживал за цветущей геранью, покуривая трубку с таким безразличием, будто вокруг ничего не происходило, и даже больше того, бросал время от времени вслед этим охваченным военной лихорадкой энтузиастам слова из любимого им Горация*: «Куда, куда стремитесь вы, безумцы?»

Теперь вы, быть может, начнете догадываться, почему Блад, в чьих жилах текла горячая и отважная кровь, унаследованная им от матери, происходившей из рода морских бродяг Сомерсетшира, оставался спокоен в самый разгар фанатичного восстания, почему его мятежная душа, уже однажды отвергшая ученую карьеру, уготованную ему отцом, была невозмутима, когда вокруг все бурлило. Сейчас вы уже понимаете, как он расценивал людей, спешивших под так называемые знамена свободы, расшитые девственницами Таунтона, воспитанницами пансионов мадемуазель Блэйк и госпожи Масгров. Невинные девицы разорвали свои шелковые одеяния, как поется в балладах, чтобы шить знамена для армии Монмута. Слова Горация, которые Блад презрительно бросал вслед людям, бежавшим по мостовой, указывали на его настроение в эту минуту. Все эти люди казались Бладу глупцами и безумцами, спешившими навстречу своей гибели.

Дело в том, что Блад слишком много знал о пресловутом Монмуте и его матери — красивой смуглой женщине, чтобы поверить в легенду о законности притязаний герцога на трон английского короля. Он прочел нелепую прокламацию, расклеенную в Бриджуотере, Таунтоне и в других местах, в которой утверждалось, что «...после смерти нашего государя Карла II право на престол Англии, Шотландии, Франции и Ирландии со всеми владениями и подвластными территориями переходит по наследству к прославленному и благородному Джеймсу, герцогу Монмутскому, сыну и законному наследнику Карла II».

Эта прокламация вызвала у него смех, так же как и дополнительное сообщение о том, что «герцог Йоркский Яков** приказал отравить покойного короля, а затем захватил престол».

Блад не мог бы даже сказать, какое из этих сообщений было большей ложью. Третью своей жизни он провел в Голландии, где

* *Гораций* — римский поэт I века до н.э.

** Король Яков II, занявший престол Англии после смерти короля Карла II.

тридцать шесть лет назад родился этот самый Джеймс Монмут, ныне объявивший себя милостью Всевышнего королем Англии, Шотландии и т.д. и т.п. Блад хорошо знал настоящих родителей Монмута. Герцог не только не был законным сыном покойного короля, якобы сочетавшегося секретным браком с Люси Уолтерс, но сомнительно даже, чтобы Монмут был хотя бы его незаконным сыном. Что, кроме несчастий и разрухи, могли принести его фантастические притязания? Можно ли было надеяться, что страна когда-нибудь поверит такой небылице? А ведь от имени Монмута несколько знатных виггов* подняли народ на восстание.

— «Куда, куда стремитесь вы, безумцы?»

Блад усмехнулся и тут же вздохнул. Как и большинство самостоятельно мыслящих людей, он не мог сочувствовать этому восстанию. Самостоятельно же мыслить его научила жизнь. Более мягкосердечный человек, обладающий его кругозором и знаниями, несомненно нашел бы немало причин для огорчения при виде толпы простых, ревностных протестантов, бежавших, как стадо овец на бойню.

К месту сбора — на поле перед замком — этих людей сопровождали матери, жены, дочери и возлюбленные. Они шли, твердо веря, что оружие в их руках будет защищать право, свободу и веру. Как и всем в Бриджуотере, Бладу было известно о намерении Монмута дать сражение нынешней ночью. Герцог должен был лично руководить внезапным нападением на королевскую армию, которой командовал Февершем, — она стояла лагерем у Седжмура. Блад был почти уверен, что лорд Февершем прекрасно осведомлен о намерениях своего противника. Даже если бы предположения Блада оказались ошибочными, он все же имел основания думать именно так, ибо трудно было допустить, чтобы командующий королевской армией не знал своих обязанностей.

Выбив пепел из трубки, Блад отодвинулся от окна, намереваясь его закрыть, и в это мгновение заметил, что из окна дома на противоположной стороне улицы за ним следили враждебные взгляды милых, сентиментальных сестер Питт, самых восторженных в Бриджуотере обожательниц красавца Монмута.

Блад улыбнулся и кивнул этим девушкам, с которыми находился в дружеских отношениях, а одну из них даже недолго лечил. Ответом на его приветствие был холодный и презрительный

* *Виги* — политическая партия в Англии (XVII–XIX вв.), предшественница английской либеральной партии.

взгляд. Улыбка тут же исчезла с тонких губ Блада; он понял причину враждебности сестер, возросшей с тех пор, как на горизонте появился Монмут, вскруживший головы женщинам всех возрастов. Да, сестры Питт, несомненно, осуждали поведение Блада, считая, что молодой и здоровый человек, обладающий военным опытом, мог бы помочь правому делу, а он в этот решающий день остается в стороне, мирно покуривает трубку и ухаживает за цветами, в то время как все мужественные люди собираются примкнуть к защитнику протестантской церкви и готовы даже отдать за него свои жизни, лишь бы только он взошел на престол, принадлежащий ему по праву.

Если бы Бладу пришлось обсуждать этот вопрос с сестрами Питт, он сказал бы им, что, вдоволь побродив по свету и изведав множество приключений, он намерен сейчас продолжать заниматься делом, для которого еще с молодости был подготовлен своим образованием. Он мог бы сказать, что он врач, а не солдат; целитель, а не убийца. Однако Блад заранее знал их ответ. Они заявили бы ему, что сегодня каждый, кто считает себя мужчиной, обязан взять в руки оружие. Они указали бы ему на своего племянника Джереми, моряка по профессии, шкипера торгового судна, к несчастью для этого молодого человека недавно бросившего якорь в бухте Бриджуотера. Они сказали бы, что Джереми оставил штурвал корабля и взял в руки мушкет, чтобы защищать правое дело. Однако Блад не принадлежал к числу людей, которые спорят. Как я уже сказал, он был самостоятельным человеком.

Закрыв окна и задернув занавески, он направился в глубь уютной, освещенной свечами комнаты, где его хозяйка, миссис Барлоу, накрывала на стол. Обратившись к ней, Блад высказал вслух свою мысль:

— Я вышел из милости у девушек, живущих в доме через дорогу.

В приятном, звучном голосе Блада звучали металлические нотки, несколько смягченные и приглушенные ирландским акцентом, который не могли истребить даже долгие годы блужданий по чужим странам. Весь характер этого человека словно отражался в его голосе, то ласковом и обаятельном, когда нужно было кого-то уговаривать, то жестком и звучащем как команда, когда следовало кому-то внушать повиновение. Внешность Блада заслуживала внимания: он был высок, худощав и смугл, как цыган. Из-под прямых черных бровей смотрели спокойные, но пронизы-

вающие глаза, удивительно синие для такого смуглого лица. И этот взгляд и правильной формы нос гармонировали с твердой, решительной складкой его губ. Он одевался во все черное, как и подобало человеку его профессии, но на костюме его лежал отпечаток изящества, говорившего о хорошем вкусе. Все это было характерно скорее для искателя приключений, каким он прежде и был, чем для степенного медика, каким он стал сейчас. Его камзол из тонкого камлота* был обшит серебряным позументом, а манжеты рубашки и жабо украшались брабантскими кружевами. Пышный черный парик отличался столь же тщательной завивкой, как и парик любого вельможи из Уайтхолла**.

Внимательно приглядевшись к Бладу, вы невольно задали бы себе вопрос: долго ли сможет такой человек прожить в этом тихом уголке, куда он случайно был заброшен шесть месяцев назад? Долго ли он будет заниматься своей мирной профессией, полученной им еще до начала самостоятельной жизни? И все же, когда вы узнаете историю жизни Блада, не только минувшую, но и грядущую, вы поверите — правда, не без труда, — что, если бы не превратность судьбы, которую ему предстояло очень скоро испытать, он мог бы долго еще продолжать тихое существование в глухом уголке Сомерсетшира, полностью довольствуясь своим скромным положением захолустного врача. Так могло бы быть...

Блад был сыном ирландского врача и уроженки Сомерсетширского графства. В ее жилах, как я уже говорил, текла кровь неугомонных морских бродяг, и этим, должно быть, объяснялась некоторая необузданность, рано проявившаяся в характере Питера. Первые признаки ее серьезно встревожили его отца, который для ирландца был на редкость миролюбивым человеком. Он заранее решил, что в выборе профессии мальчик должен пойти по его стопам, и Питер Блад, обладая способностями и жаждой знаний, порадовал своего отца, двадцати лет от роду добившись степени бакалавра медицины в дублинском колледже. После получения столь радостного известия отец прожил только три месяца (мать умерла за несколько лет до этого), и Питер, наследовав после смерти отца несколько сот фунтов стерлингов, отправился поглядеть на мир, с тем чтобы удовлетворить свой неугомонный дух. Забавное стечение некоторых обстоятельств привело его на военную службу к голландцам, воевавшим в то время с французами,

* *Камлот* — тонкое сукно из верблюжьей шерсти.

** *Уайтхолл* — резиденция английского правительства.

а любовь к морю толкнула его во флот. Произведенный в офицеры знаменитым де Ритёром*, он участвовал в той самой морской битве на Средиземном море, когда был убит этот знаменитый флотоводец.

Полоса жизни Блада после подписания Неймегенского** мира нам почти совершенно неизвестна. Мы знаем, однако, что Питер провел два года в испанской тюрьме, но за что он попал туда, осталось для нас неясным. Быть может, именно благодаря этому он, выйдя из тюрьмы, поступил на службу к французам и в составе французской армии участвовал в боях на территории Голландии, оккупированной испанцами. Достигнув наконец тридцати двух лет, полностью удовлетворив некогда томившую его жажду приключений и чувствуя к тому же, что его здоровье пошатнулось в результате запущенного ранения, он вдруг ощутил сильнейшую тоску по родине и сел в Нанте на корабль, рассчитывая пробраться в Ирландию. Однако здоровье Блада во время путешествия ухудшилось, и, когда буря загнала его корабль в Бриджуотерскую бухту, он решил сойти на берег, тем более что здесь была родина его матери.

Таким образом, в январе 1685 года Блад прибыл в Бриджуотер, имея в кармане примерно такое же состояние, с каким одиннадцать лет назад он отправился из Дублина бродить по свету.

Место, куда попал Блад, ему понравилось, да и здоровье его здесь быстро восстановилось. После многих приключений, каких другой человек не испытает за всю свою жизнь, Питер решил обосноваться в этом городе и вернуться наконец к своей профессии врача, от которой он, с такой небольшой выгодой для себя, оторвался.

Такова краткая история Питера Блада или, вернее, та ее часть, которая закончилась в ночь битвы при Седжмуре, спустя полгода после его прибытия в Бриджуотер.

Считая, что предстоящее сражение не имеет к нему никакого отношения — а это вполне соответствовало действительности, — и оставаясь равнодушным к возбуждению, охватившему в эту ночь Бриджуотер, Блад рано улегся спать. Он спокойно уснул задолго до одиннадцати часов, когда, как вы знаете, Монмут во главе по-

* *Де Ритёр М.А.* — голландский адмирал XVII в.

** *Неймеген* — город в Голландии, где в 1678–1679 гг. было подписано шесть мирных договоров, увенчавших войну Франции с Голландией, Испанией, Австрией, Швецией и Данией.

встанцев двинулся по дороге на Бристоль, чтобы обойти болото, за которым находилась королевская армия. Вы знаете также, что численное превосходство повстанцев и некоторое преимущество, заключавшееся в том, что повстанцы имели возможность внезапно напасть на сонную королевскую армию, оказались бесполезными из-за ошибок командования и сражение было проиграно Монмутом еще до того, как началась рукопашная схватка.

Армии встретились примерно в два часа ночи. Блад не слышал отдаленного гула канонады. Только в четыре часа утра, когда начало подниматься солнце, разгоняя остатки тумана над печальным полем битвы, мирный сон Блада был нарушен.

Сидя в постели, он протирал глаза, пытаясь прийти в себя. В дверь его дома сильно стучали, и чей-то голос что-то бессвязно кричал. Этот шум и разбудил Питера. Полагая, что его срочно вызывают к какой-нибудь роженице, он набросил на плечи ночной халат, сунул ноги в туфли и выбежал из комнаты, столкнувшись на лестничной площадке с миссис Барлоу. Перепуганная грохотом, она ничего не понимала и металась без толку. Блад успокоил ее и спустился открыть дверь.

На улице в золотых лучах восходящего солнца стоял молодой человек в изодранной одежде, покрытой грязью и пылью. Он тяжело дышал, глаза его блуждали. Находившаяся рядом с ним лошадь была вся в пене. Человек открыл рот, но дыхание его прерывалось, и он ничего не мог произнести.

Блад узнал молодого шкипера Джереми Питта, племянника девушек, которые жили напротив его дома. Улица, разбуженная шумным поведением моряка, просыпалась: открывались двери, распахивались ставни окон, из которых выглядывали головы озбоченных и недоумевающих соседей.

— Спокойней, спокойней, — сказал Блад. — Поспешность никогда к добру не приводит.

Однако юноша, в глазах которого застыл ужас или, быть может, страх, не обратил внимания на эти слова. Кашляя и задыхаясь, он наконец заговорил:

— Лорд Гилдой тяжело ранен... он сейчас в усадьбе Оглторп... у реки... я перетащил его туда... он послал меня за вами... Скорее к нему... скорей!

Он бросился к доктору, чтобы силой увлечь его за собой в ночном халате и в домашних туфлях, но доктор уклонился от тянущихся к нему рук.

— Конечно, я поеду, — сказал он, — но не в этом же наряде.

Блад был расстроен. Лорд Гилдой покровительствовал ему со дня его приезда в Бриджуотер. Бладу хотелось отплатить чем-нибудь за хорошее отношение к нему, и он был искренне огорчен тем, что для этого представился такой печальный случай. Ему хорошо было известно, что молодой аристократ был одним из горячих сторонников герцога Монмута.

— Конечно, я поеду, — повторил Блад. — Но прежде всего мне нужно одеться и захватить с собой то, что нам может понадобиться.

— Мы теряем время!

— Спокойно, спокойно. Мы доедем скорее, если не будем спешить. Войдите и подождите меня, молодой человек...

Жестом руки Питт отклонил его приглашение:

— Я подожду здесь. Ради бога, поспешите!

Блад быстро поднялся наверх, чтобы одеться и захватить сумку с инструментами.

Расспросить о ранениях лорда Гилдоя он мог по дороге в усадьбу Оглторп. Обуваясь, Блад разговаривал с миссис Барлоу, дал ей несколько поручений, распорядившись заодно и насчет обеда, который, увы, ему так и не суждено было отведать.

Когда доктор наконец спустился на улицу вместе с миссис Барлоу, кудавтавшей, как обиженная наседка, он нашел молодого Питта в окружении толпы напуганных, полуодетых горожан. В большинстве это были женщины, поспешно сбежавшиеся за новостями о битве. Не составляло труда догадаться, какие именно новости сообщил им Питт, ибо утренний воздух сразу же наполнился плачем и горестными стенаниями.

Увидев доктора, уже одетого и с сумкой для инструментов под мышкой, Питт освободился от окружавшей его толпы, стряхнул с себя усталость и отстранил обеих своих тетушек, в слезах цеплявшихся за него. Схватив лошадь за уздечку, он вскочил в седло.

— Поехали! — закричал он. — Садитесь позади меня!

Не тратя слов, Блад последовал этому совету, и Питт тут же дал шпоры лошади. Толпа расступилась. Питер Блад сидел на крупной лошади, отяжеленной двойным грузом. Держась за пояс своего спутника, он начал свою одиссею. Питт, которого Блад считал только посланцем раненого мятежника, на самом деле оказался посланцем Судьбы.

Глава II ДРАГУНЫ КИРКА

Усадьба Оглторп стояла на правом берегу реки примерно в миле к югу от Бриджуотера. Это был серый приземистый, в стиле эпохи Тюдоров, дом, фундамент которого покрывала густая зелень плюща. Приближаясь к усадьбе по дороге, проходившей среди душистых фруктовых садов, мирно дремавших на берегу Парретта, искрившегося под лучами утреннего солнца, Блад с трудом мог поверить, что находится в стране, раздираемой кровопролитной междоусобицей.

На мосту, при выезде из Бриджуотера, их встретил авангард усталых, измученных беглецов с поля битвы. Среди них было много раненых. Напрягая остатки своих сил, они торопливо ковыляли в город, тщетно надеясь найти там кров и защиту. Их глаза, выражавшие усталость и страх, жалобно глядели на Блада и его спутника. Несколько охрипших голосов предупредили их, что погоня уже близка. Однако молодой Питт, не обращая внимания на предупреждения, мчался по пыльной дороге, на которой количество беглецов из-под Седжмура все увеличивалось.

Вскоре он свернул в сторону на тропинку, проходившую через луга, покрытые росой. Даже здесь им встречались разрозненные группы беглецов, разбегавшихся во всех направлениях. Пробиваясь сквозь высокую траву, они боязливо оглядывались, ожидая, что вот-вот покажутся красные камзолы королевских драгун.

Но поскольку Питт и его спутник приближались к месту расположения штаба Февершема, человеческие обломки битвы вскоре перестали уже им встречаться.

Сейчас мимо них тянулись мирные фруктовые сады; деревья были отягощены плодами, но никто не собирал их, хотя время приготовления сидра уже наступило.

Наконец они спешились на каменные плиты двора, где их приветствовал опечаленный и взволнованный владелец усадьбы — Бэйнс.

В огромной комнате с каменным полом доктор нашел лорда Гилдою — высокого человека с массивным подбородком и крупным носом. Его лицо покрывала свинцовая бледность, он лежал с закрытыми глазами, вытянувшись на сделанной из тростника кушетке, стоявшей у большого окна. Лорд с трудом дышал, и с каж-